

В каждом Тесее сидит Минотавр

Известия - 2005-03-06 №05021

Пелевин написал роман в стиле «чат». В каком-то смысле он нашел идеальную форму не только для собственной интерпретации мифа о Тесее, но и для своего творчества вообще.

Николай Александров

НОВИНКА

Виртуальность — вообще изблуженная тема Пелевина. Он все время кружит в лабиринте вопросов: что есть? чего нет? и если нет ничего, то можно ли сказать, что и самого «есть» на самом деле нет?

В данном случае полигон для исследования этих вопросов самый подходящий. Потому что персонажей вроде бы и нет, где они находятся — неизвестно. Это даже не голоса, а строчки, появляющиеся на экране компьютера, обмен репликами в «чате». То есть это своего рода виртуальный лабиринт, в котором общаются между собой разные тексты (или «дискурсы»), и у каждого из них — свой лабиринт. Лабиринт может принимать самые причудливые формы, присваивать себе самые разнообразные смыслы: философские, религиозные, политические, социальные. Однако все это мнимые сущности. Равно как и Минотавр, и Тесей.

Тесей для каждого из «текстов» — мессия, ожидаемый спаситель. Но одновременно он и каждый из этих текстов, и ужасный Минотавр, на которого напаян Шлем ужаса, и сам этот

Шлем ужаса, в который заключен Минотавр.

Прошлое, настоящее, внешнее, внутреннее, право, лево, верх, низ — все здесь сплетено, спутано. За всеми видениями возникают призраки другой реальности, которая, впрочем, не менее призрачна, нежели обстановка, в которой происходит общение между «текстами».

Иными словами, все это жизнь, которая силится как-то понять себя, и каждый раз, при каждом очередном вари-

анте понимания оказывается в тупике. Ни один из «текстов» не способен стать Тесеем, то есть не может снять с себя Шлем ужаса, отказаться от навязанной иллюзорной действительности. Хотя бы потому, что непонятно, где иллюзия, а где нет. Действительно — где выход из лабиринта? Как ответить на этот вопрос, если существование самого лабиринта проблематично, то есть если нельзя сказать, существует лабиринт или нет? Какой же тогда из него выход, если его самого нет. Хотя и этот вопрос задавать бессмысленно.

У Пелевина иллюзия изначально, бесконечна и беспричинна. И кроме нее — ничего нет, поскольку и ее самой — тоже нет. Иллюзия сама по себе иллюзорна.

Впрочем, нет. Кое-что все-таки существует. Существуют некие общие точки, повторяющиеся образы, которые хотя бы в силу повторяемости в разных текстах имеют большее право на существование. Это некий гигант с чем-то ужасным на голове и сопровождающие его два карлика. И нет от них спасения.

Виктор Пелевин. Шлем ужаса: Креатифф о Тесее и Минотавре. — М.: «Открытый мир», 2005. — 224 с.

